

ского строя уже не происходило» (стр. (стр. 187), — это мнение не может считаться достаточно доказанным. Однако сразу же надо сказать, что историки фонетической и морфологической систем русского языка никогда не говорили о том, что эти системы не развивались в периоды после XV — XVI вв. Речь всегда шла о том, что к XV — XVI вв. фонетика и морфология русского языка уже завершили свое становление во всех их основных, принципиальных сторонах, что после этого периода происходило и происходит развертывание и совершенствование систем и заложенных в них тенденций, но что в поздние периоды фонетика и морфология русского языка не переживали таких «катаклизмов», какие они знали раньше (ср. хотя бы падение редуцированных в фонетике и историю видо-временной системы в глаголе).

Второе общее положение С. И. Коткова, пожалуй, более справедливо; оно заключается в том, что необходимо различать историю московского говора и историю формирования устной литературной речи, ибо московский говор явился основой устной литературной речи... не как неделимое целое, не во всем своем составе, а в своих основных элементах и свойствах» (стр. 188). Это с одной стороны. С другой же — важно и то, что отношения говора Москвы к говорам Подмосковья, которые часто представляются как отношения одностороннего влияния со стороны Москвы, в действительности «были отношениями взаимодействия, хотя и далеко не равноправного» (стр. 188).

С точки зрения этих двух исходных положений С. И. Котков рассматривает ряд морфологических явлений, нашедших свое отражение в научных или памятниках московской письменности. Наибольшее внимание при этом уделено некоторым надежным формам существительных (род.-вин. падеж одушевленных существительных, род.-предл. падеж на -у, род., дат. и твор. падежи мн. числа),

а также в меньшей степени категории рода, инфинитиву, категории вида и времени, дееспричастиям и некоем др. Уже само перечисление рассматриваемых явлений свидетельствует о резкой «набирательности» фактов, о том, что анализируются лишь определенные явления в области морфологии, те явления, которые могут показать отличия московского говора XVII в. как от современной устной литературной речи, так и от соседних говоров той же прошлой эпохи. С. И. Котков обнаруживает много интересных фактов, дающих ему возможность установить своеобразие московского говора XVII в. как самостоятельной языковой единицы в сравнении с южновеликорусскими говорами и говорами Подмосковья. Здесь высказан ряд важных положений, уточняющих наши представления об истории отдельных морфологических форм, об их состоянии в языке Москвы изучаемого периода, о соотношении этих форм с соответствующими формами в иных русских говорах; и здесь же, как и вообще во всей книге, изложение ведется в открытой или скрытой полемике с ранее высказанными взглядами.

Книга в целом написана ясно и просто, формулировки автора точны и определены, однако в то же время в книге есть и ненужные повторения (например, два раза излагается мнение Л. Л. Васильева о большей степени мягкости согласных перед *ь*, чем перед *е*), и ненужные отклонения от изложения (например, едва ли в памятниках Москвы XVII в. следовало искать отражение чоканья и чоканья), и просто неточности в интерпретации фактов. Однако все эти недоработки не влияют на общее хорошее впечатление от книги С. И. Коткова, являющейся несомненным вкладом в науку об истории русского языка, в решение очень большого и сложного вопроса о формировании и развитии московского говора.

В. В. Иванов

Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., «Наука», 1973. 351 стр.

Вышедшая в свет накануне 1974 г. рецензируемая книга Г. А. Золотовой уже приобрела известность среди русистов и справедливо расценивается как одна из значительных работ по синтаксису русского языка, появившихся в последнее время¹. Эта книга, разрабатывающая функциональный подход

к изучению языковых фактов, представляет двойной интерес — как в плане обсуждения конкретных проблем теории русской грамматики, так и в общелингвистическом отношении. В последние годы лингвисты много и охотно говорят о функциональном подходе к изучению языка, почти так же охотно, как лет пятнадцать тому назад писали о структурном анализе языка. И так же как это было в свое время с термином «структура», в понятие «функция» вкладывается разнообразное лингвистическое

¹ См., например: П. А д а м е ц, [реп. на кн.:] Г. А. Золотова, Очерк функционального синтаксиса..., «Československá rusistika», 1975, 1.

содержание. Книга Г. А. Золотовой дает широкую основу для обсуждения вопросов функционального синтаксиса и функциональной грамматики в целом.

Через всю историю языкознания проходит борьба между «реализмом» и «формализмом», причем особенно острые споры разгорались вокруг проблем синтаксиса: основной вопрос заключался здесь в том, отражают ли категории синтаксиса явления объективной действительности или же они представляют собой лишь формы организации предложения. Традиционная теория членов предложения, глубоко разрабатывавшаяся в отечественном языкознании, была в своей основе менталистской: она стремилась дать синтаксическим категориям семантическое обоснование. Однако, как это убедительно показано в рецензируемой книге, исследования, проведенные в последнее время в области русского синтаксиса, показали ограниченность установок традиционной теории членов предложения, такие как и теория словосочетаний, недостаточность их объяснительной силы, в связи с чем многие активные явления русского синтаксиса либо получали неточное истолкование, либо выводились за пределы поля зрения исследователей. В качестве альтернативы теории членов предложения за рубежом был выдвинут, как известно, анализ по непосредственно составляющим, который, однако, дает схематизированное и неполное представление о синтаксическом строе языка, так как игнорирует содержательную сторону языковых элементов.

В отличие от этих теоретических подходов к синтаксису, показавших свою недостаточность, Г. А. Золотова наметает иной путь: основываясь на идеях ряда русских и зарубежных лингвистов (В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, А. Мартинес, В. Матениус и другие лингвисты пражской школы), прикладывая во внимание работы советских ученых в области семантического синтаксиса, она в своей книге разрабатывает функциональный синтаксис, ориентированный на исследование формы и значения в синтаксисе в их диалектическом единстве.

В I главе «Введение» автор раскрывает основные понятия своей теории. Синтаксис определяется как «раздел грамматики, ведающий построением речи» (стр. 6). Это определение показывает, что автор не сводит задачи синтаксиса к одному лишь изучению формальных структур предложения, но видит эти задачи в анализе соотношения этих структур с процессом мышления, а через мышление — с отражаемой в высказывании действительностью. Примыкая к концепции функции, разрабатываемой пражской лингвистической школой, Г. А. Золотова вместе с тем справедливо различает синтаксические (строение) и семантические

аспекты в употреблении форм. Строительная, комбинаторная роль данной формы и ее семантический субстрат образуют, по мнению автора, функцию и значение формы. Таким образом формируется треугольник: форма — функция — значение, причем функция отделяется от значения синтаксической формы. Автор выделяет три основных функции синтаксических единиц: единицы функционизируют как самостоятельные высказывания (I функция), как конструктивные компоненты высказываний (II функция) и как зависимый компонент конструктивного компонента (III функция). Положительный стороной является то, что эти функции логически исчисляются: автор доказывает, что таких обих функций можно выявить только три (стр. 12—13). Эти функции универсальны: в них могут выступать и отдельные слова, и словосочетания, и целые предложения. Что касается конкретных функций слов в предложении, то они зависят как от синтаксической формы слова, так и от принадлежности слова к определенному лексическому классу.

В качестве исходной, базовой единицы синтаксиса выдвигается синтаксическая форма слова — первичная докомбинативная частица предложения, отличающаяся большой гибкостью не только в плане содержания (она может выполнять все три указанные выше функции), но и в плане выражения (она может представлять собой как отдельное слово, так и сочетание знаменательного слова со служебным). Синтаксическая форма слова выражается совокупностью двух компонентов: категориальной семантики слова (например, предметность или процессность у существительного) и словозначительных средств, которыми, помимо морфологических форм, автор относит — на наш взгляд не вполне обоснованно — и служебные слова, например, предлоги (стр. 23). Таким образом, синтаксическая форма слова менее всеобща, чем его морфологическая форма, ибо предопределяется также и его семантической стороной. Введение нового синтаксического понятия оказывается плодотворным: оно позволяет найти единое истолкование для многих явлений синтаксиса, которые не покрывались понятием члена предложения или компонента словосочетания.

В предложении синтаксическая форма слова приобретает статус структурно-смыслового компонента предложения, роль которого обуславливается его взаимосвязанностью с другими компонентами предложения. Минимальное сочетание синтаксических форм слова образует предикативную основу или модель предложения. В семантическом плане сопряжение структурно-смысловых компонентов образует типовое значение предложения, которое представляет собой обоб-

щепное значение множества предложений как данной модели, так и моделей, сопоставимых с данной. Например, типовое значение «предмет и его качество» выражается рядом моделей: *Сотрудник усерден, Сотрудник отличается усердием. Сотрудника отличает усердие* и т. п. Таким образом, понятие модели отражает семантико-грамматическую структуру предложения, понятие типового значения — семантическую структуру предложения. Это побуждает автора еще раз подчеркнуть основное положение современных исследований в области семантического синтаксиса: формы в синтаксисе не противостоят семантике, но семантически по своей онтологической сущности (стр. 26).

В последующих главах книги (II—IV) рассматриваются синтаксические формы слова как первичные единицы синтаксиса и предложение в языке и в речи.

Глава II содержит всесторонний анализ синтаксических форм слова. Наиболее подробно изучены формы существительного, что обосновывается тем, что эта часть речи наиболее полифункциональна и различие морфологической и синтаксической формы слова у нее наиболее очевидно. Синтаксические формы слов прослеживаются в их отношении к семантике слов, в связи с чем различаются категории слов в зависимости от их семантической наполненности и заданности выполняющей грамматической формы (абсолютные и релятивные слова). В плане номинации различаются основные модели, выступающие как прямой способ выражения данного значения, и вариативные, реализующие косвенный способ обозначения, при котором соответствие языковых категорий и категорий реальности оказывается нарушенным. Основная модель — минимальный способ выражения данного значения (например: *Наш учитель добр* — признак выражается прямым средством — прилагательным), вариативные — характеризуются избыточностью или использованием косвенных средств выражения (*Наш учитель добрый человек, слово человек — избыточно; Наш учитель отличается добротой, признак выражен транспонированным средством — существительным, а не прилагательным*). По отношению к словосочетанию различаются свободные синтаксические формы (они выступают во всех трех основных функциях, могут формировать и предложение), обусловленные (выполняют II или III функции) и связанные (обнаруживаются только в III функции, как компонент словосочетания). Интересно наблюдение автора, что в связанных формах предлог максимально формализован (*скупать по долгу*), тогда как в свободных он сохраняет свое значение (*находиться в долге*). И здесь обнаруживается взаимосвязь семантики и связующей функции языкового элемента (предлога). Различные типы

синтаксических связей получают разное развитие в истории языка. При смене норм выявляется тяготение к семантически мотивированным связям, проявляется тенденция к семантизации синтаксических отношений, что косвенным образом подтверждает наличие семантического субстрата у синтаксических форм (стр. 114 и сл.). Об этом же свидетельствует и замена флексий и «пустых» предлогов более сложными, но значимыми средствами синтаксической связи. В этой же главе рассматривается синонимия и омошность синтаксических форм имени, что имеет большое значение, так как синтаксические формы различаются не только по формальным признакам (падеж, предлог), но и по семантическим категориям слова. Так, сочетание одного и того же предлога со словом в том же падеже образует три разных синтаксических формы у конкретных, неисчисляемых и абстрактных существительных: *из сада, из железа, из страха*.

В главе III, посвященной предложению в языке, исследуется парадигма моделей предложения, его синтаксическое поле и взаимоотношение моделей предложения. В модели предложения Г. А. Золотова выделяет постоянные признаки (односоставность — двусоставность, глагольность) и переменные (модальность, время, лицо). В связи с этим предложение типа *Было темно* трактуется не как двусоставный коррелят к односоставному *Темно* (сохраняется бессубъектность высказывания), но как временная модификация односоставного предложения. Модели образуют ряды, находящиеся в регулярной связи и характеризующиеся общими значениями: *Пенье птиц — Птицы поют; Вьюга — Вьюжно — Вьюжит*. Предикативная ось предложения формируется значениями модальности, времени, лица (переменными признаками предложения), каждое из которых исследуется в отдельном параграфе главы. В каждом из этих параграфов автор высказывает новые точки зрения, иногда не бесспорные, иногда нуждающиеся в развитии, но всегда интересные, наталкивающие на дальнейшие размышления. Так, в сфере модальности автор различает три аспекта: а) отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (основная форма выражения — глагольное наклонение); б) отношение говорящего к содержанию высказывания (выражается вводными словами); в) отношение между субъектом и предикативным признаком (выражается модальными глаголами), показывает синонимические средства выражения этих значений. Представляет несомненный интерес выявление взаимосвязи отмеченных средств разных аспектов модальности, например, использование модальных глаголов для выражения второго аспекта и др. Различные аспекты значения выявляются и в кате-

горни лица, но в данной работе она трактуется прежде всего синтаксически. Подлежащее при этом выступает лишь как одна из форм в функциональном ряду обозначений лица субъекта (стр. 161). Ср.: *Я простужен; У меня простуда; Мне весело; Его лихорадит; С ним обморок*. Основное противопоставление в этом случае проходит по линии наличия — отсутствия субъекта, причем, как отмечает автор, предложение с выраженным субъектом может быть морфологически и личным, и безличным. Предложения с опущенным, но восстанавливаемым субъектом должны относиться к личным: *Скучно. Неадекватно*.

Проанализировав состав модели предложения, автор переходит к анализу синтаксических дериваций и парадигматических отношений между предложениями. Различаются модификации трех типов: грамматические (по времени, модальности, лицу), структурно-семантические (изменения фазисных, вопросительного, отрицательного и некоторых других значений); синтаксические синонимы. В первых двух случаях сохраняется тождество модели и ее типовое значение. Синтаксические синонимы предложения связаны общностью типового значения, но расходятся по структуре своих моделей, например: *Он весел — Ему весело*. Совокупность всех модификаций составляет синтаксическое поле предложения. Наибольший интерес представляют здесь наблюдения автора в области выражения фазисных значений (*Он запел — Он поет — Он кончил петь; Он вышел в отставку — Он в отставке*), а также в модификации выделенных (*Илзевер skoшен — Клевер оказывается skoшен*). В разделе о синонимии Г. А. Золотова исходит из различия прямых и косвенных способов выражения типовых значений. Хотя приводимые списки моделей, распределяемых по типовым значениям, далеко не полны, они дают достаточное представление о дальнейшем направлении исследований, которые окажутся весьма плодотворными и в теоретическом, и в практическом отношении (стр. 299—321). В интересном разделе «Взаимодействие моделей» рассматривается процесс осложнения первичных моделей. Автор останавливается на трех явлениях: а) включение моделей (*Он пришел усталый*); б) авторизация — выражение субъекта восприятия, источника сообщения (*За забором клен — Я вижу за забором клен*); в) каузация (*Он устал в город — Его отправили в город*). Особенно подробно исследованы два последних процесса: выявляются различные типы авторизации и каузации.

В заключение главы наглядно сопоставляются традиционное понятие «членов предложения» и вводимое автором понятие «структурно-смысловые члены предложения». Большой интерес пред-

ставляют наблюдения над историческими изменениями в структуре предложения, в частности, на тенденции русского языка к формированию продуктивных типов предложений с несогласуемыми, но взаимно обусловленными структурно-смысловыми центрами (стр. 321), например: *С ремонтом благополучно; Сила — в сплоченности и т. п.* Та же модель особенно продуктивна при выражении состояния или наличия субъекта: *С нервами не в порядке вместо Нервы не в порядке; Со здоровьем неважно — Здоровье неважно*. Подобные факты показывают, что в современном русском языке имеется тенденция к формальному разграничению субъекта действия (им. пад. — *Дети играют*) и субъекта состояния-признака (косв. пад. — *У детей скарлатина*), причем предвзятымый признак выражается той же формой, что и субъект действия (им. пад.). Подобного рода явления типологически сопоставимы с аргативной конструирующей предложения (различные выражения активного и неактивного субъекта).

Небольшая глава IV посвящена предложению в реченом аспекте, причем основное внимание уделяется актуальному членению предложения.

В целом исследование Г. А. Золотовой убедительно подтверждает, что в своей основе синтаксис семантивен, что синтаксические категории — типы связей, типы предложений — являются не просто средством сочетания лексических номинаций в высказывании, как это полагал, например, даже В. Матезиус, но языковым способом отражения действительности. Эта книга, в которой учтены труды многих советских и зарубежных ученых, наглядно показывает, какого уровня достигла в области синтаксиса советская русистика, которая по разработке многих проблем находится на переднем крае в мировом языкознании.

Бесспорно, русисты не раз обратятся к книге Г. А. Золотовой, полемизируя с одними положениями, развивая другие. Книга интересна не только в теоретическом плане: приведенный в ней богатый фактический материал, после соответствующего расширения и упорядочения, может дать хорошую базу для преподавания русского языка на продвинутом этапе, когда от семасиологического анализа языковых форм переходят к их обобщению в ономаσιологическом плане.

Разумеется, в книге есть и спорные, и недостаточно разясненные моменты. Остановимся на некоторых из них.

Первым из таких вопросов, на обсуждение которых наталкивает книга Г. А. Золотовой, является вопрос о том, что следует понимать под функцией в синтаксисе. В теоретическом введении к исследованию автор, как мы отмечали выше, разграничивает функцию и значение у синтаксических форм (стр. 8), подразумевая под функцией прежде все-

го строгие свойства этих единиц. Однако при анализе материала «функция» трактуется нередко как «значение» данных синтаксических единиц (при описании категорий времени, лица и др.; например, функцией предложно-падежной формы оказывается обозначение реального субъекта состояния, ср. стр. 161 и др.). Это расхождение между определением и реальным функционированием понятия в книге объясняется, как нам кажется, характером определения, а не использованием понятия. Действительно, понятие «функция» в современной лингвистике относится к широко употребляемым, но по-разному определяемым понятиям. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой отмечается три понимания этого термина. Во французском лингвистическом справочнике, каковым под руководством А. Мартине, выделяется четыре основных понимания «функции», и, кроме этого, несколько частных, специально в сфере грамматики, проследи в др.² Понятие функции прилагается к языку в целом (роль языка в человеческой жизни: в этом аспекте различается, например, коммуникативная и экспрессивная функция языка), к языковой подсистеме (сферы употребления языка, в связи с чем различаются функциональные стили) или к отдельным элементам языковой системы. В последнем случае функция языкового элемента совпадает с его целевым назначением при употреблении в речи. При всех различиях в частности можно отметить два основных понимания функции отдельного языкового элемента в области синтаксиса: структурное и содержательное. В первом случае в функции усматривается преимущественно строевая роль данного элемента в высказывании. Функциональное отождествляется при этом с грамматическим, точнее с позиционно-синтаксическим, в противоположность лексическому. В крайней форме эта точка зрения была высказана, как известно, Л. Блумфилдом, который служебные слова называл функциональными словами. С другой стороны, функции отождествляются со значением языкового элемента. Э. Х. Стеревант отмечал, что невозможно провести резкую грань между функциональным и лексическим значением³. При обеих точках зрения функция понимается как отношение, с той разницей, что в первом случае исходят из синтагматического отношения между элементами высказывания, во втором — из парадигматических отношений, связывающих означаемые и

означаемые. В философии функция определяется как способ поведения, присущий какому-либо объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит⁴. И строгое название и содержательная сторона языкового элемента удовлетворяют этому определению: в них проявляется способ поведения данного элемента, т. е. закономерности его употребления в рамках общих законов данного языка, при условии сохранения сущности данного элемента и всей системы (если функция — способ поведения — данного элемента изменяется, то изменяется и специфика этого элемента, и отношения внутри системы). Таким образом, как структурная роль, так и значение (роль в номинации) относятся к числу функций языкового элемента. Поэтому для синтаксической формыместо разграничения категории «функция — значение» было бы более точно исходить из противопоставления: строевая функция — семантическая функция. Тогда бы не было отмеченных выше «скольжений» в использовании термина «функция» в рецензируемой книге: речь шла бы о разных функциях синтаксической формы.

В отношении любой лингвистической единицы, в том числе для предлагаемой Г. А. Золотовой синтаксической формы слова, возникает проблема границ. Она, однако, недостаточно освещена в рецензируемой книге, в связи с чем при конкретном анализе возникает ряд вопросов. Остается неясным, как отличить синтаксическую форму слова, состоящую из знаменательного и служебного слов, от аналитической морфологической формы, от соединения двух знаменательных слов. Входит ли в синтаксическую форму существительное, выполняющее роль предлога (*по направлению к городу, по причине болезни*)? Как изменяется синтаксическая форма при транспозиции: если *начать работать* — форма глагола с фазисным значением, то является ли единой синтаксической формой *начало работы*? Образует ли единую синтаксическую форму сочетание прилагательного и существительного, выражающее признак: *оворо, богатое рыбой* (= с рыбой, рыбное), *полный печали* (= печальный) и т. п. Рассмотрение подобных и многих других вопросов способствовало бы уточнению понимания синтаксической формы слова. Дальнейшее исследование и обсуждение широкого круга проблем, поставленных в рецензируемой книге Г. А. Золотовой, может оказаться весьма плодотворным для развития общей науки о синтаксисе.

В. Г. Гак

² «La linguistique. Guide alphabétique sous la direction de A. Martinet», Paris, 1969.

³ См.: Э. Хэмп, Словарь американской лингвистической терминологии, М., 1964, стр. 251.

⁴ См.: Е. Никитин, Функция, «Философская энциклопедия», 5, М., 1970, стр. 418.